

Каро Эльм Мари

Материализм и наука

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э53

Э53 **Эльм Мари К.**
Материализм и наука / Каро Эльм Мари – М.: Книга по Требованию, 2024. – 145 с.

ISBN 978-5-519-88487-7

ISBN 978-5-519-88487-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предлагаемой книгѣ, мы попытаемся доказать, что положительныя науки, какъ бы ни были удивительны ихъ успѣхи и еще болѣе велики ихъ притязанія, не вправѣ отвергать метафизику и не въ-состояніи замѣнить ее.

Враги философіи стараются всюду разглашать, что кредитъ ея никогда не падалъ такъ глубоко, какъ въ настоящее время, что поклоненіе ей, за исключеніемъ малаго числа вѣрныхъ приверженцевъ, по какой-то непонятной слабости ума посвятившихъ себя роковому идололуженію,—оставлено, что ея немногіе адепты, какъ потерпѣвшіе кораблекрушеніе среди беспредѣльнаго моря, какъ *garî nantes*, (обломки корабля) появляются лишь кой-гдѣ въ беспредѣльной области знанія, завоеванной науками положительными. Намъ увѣряютъ, что ученые, особенно физики, химики и физиологи, высказываютъ публично свое презрѣніе къ тому величественному полету спекулятивной мысли, къ упроченію котораго въ общественномъ уваженіи бесполезны речательства самыхъ великихъ именъ образованнаго человѣчества, отъ Платона до Лейбница. Извѣстные диктаторы, вовсе не уполномоченные со-стороны научнаго мнѣнія, усиливаются навязать намъ, какъ первый членъ вѣры, обязательство, съ нашей стороны, подъ страхомъ лишенія ученыхъ правъ, принимать только данныя и результаты опытнаго изученія природы, относя все прочее въ область мечтаній, или басень.

Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Точно ли разрывъ между умомъ философскимъ и умомъ научнымъ совершился окончательно, непре-ложно? Мы этого не думаемъ. Помнимъ позитивистовъ, совершенно отвергающихъ проблемы метафизики, и матеріалистовъ, стремящихся разрѣшить эти проблемы на свой ладъ, мнѣ извѣстна многочислен-ная и съ каждымъ днемъ возрастающая группа ученыхъ, которые

высоко цѣнать права философѣ, если только она остается въ собственныхъ ей границахъ, а не вторгается въ область другихъ наукъ. Я назову эту группу *школою экспериментальною* и постараюсь отличить ее точными чертами отъ школы *позитивной* (положительной), съ которой ее слишкомъ часто сифивали.

Мы, главнымъ образомъ, будемъ настаивать на томъ странномъ заблужденіи, въ какое вдается научный матеріализмъ, надѣясь замѣнить собою метафизику, и на томъ фундаментальномъ противорѣчьи, какое заключаетъ въ себѣ его принципъ. Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, существовать научный матеріализмъ, т. е. отрицательный догматизмъ *причинъ и цѣлей*, основанный на чисто-экспериментальномъ изученіи *явленій и законовъ*? Можно ли придумать антиномію болѣе радикальную, нежели антиномія, что ученіе о послѣднихъ вопросахъ бытія, выведенное непосредственно изъ данныхъ физиологіи, касающейся, въ своихъ изслѣдованіяхъ, только дѣйствительнаго порядка и настоящаго состоянія вселенной? Вотъ вопросъ, который я поставилъ себѣ задачею разяснить, посредствомъ нѣсколькихъ, весьма простыхъ, соображеній.

МАТЕРИАЛИЗМЪ И НАУКА.

Связь положительных наукъ съ метафизикою. — Сравненіе экспериментальной школы съ школою положительною (позитивною).

Говоря о наукахъ положительных¹⁾ и о тѣхъ, кто ими занимается, нужно особенно остерегаться, чтобы не смѣшивать школы экспериментальной съ позитивизмомъ. Между этими двумя школами есть нѣчто, какъ это легко доказать, общее; но много есть существенныхъ чертъ, которыми они и отличаются другъ отъ друга, — что я и намѣренъ подтвердить нѣсколькими, съ точностью анализированными, примѣрами. Послѣдствія такого разграниченія не маловажны. Въ этомъ случаѣ дѣло идетъ о самой судьбѣ и будущности метафизики, о томъ, чтобы знать, можетъ ли и должна ли она существовать наряду съ науками естественными, оставаясь съ ними въ почетномъ мирѣ и въ почтительной независимости отъ нихъ и подъ условіемъ взаимной пощады, или-же она должна быть рѣшительно вытѣснена этими послѣдними.

Мы не будемъ заниматься здѣсь, мимоходомъ, изложеніемъ, или критикою позитивизма. Въ послѣднее время, позитивизмъ былъ предметомъ столь многочисленныхъ изслѣдованій, что мы намѣрены уволить себя отъ труда возвращаться къ подробному изложенію принциповъ, происхожденія и органическаго развитія этой школы. Очень не давно еще, по поводу книги М. Стюарта Милля, одинъ знаменитый ученый, посвятившій всю свою жизнь разъясненію или защитѣ ученія этой школы и на служеніе ей принесшій въ жертву столько таланта,

¹⁾ Подъ положительною наукою я разумѣю опытное изученіе природы, а подъ метафизикою умозрительное знаніе первыхъ началъ и причинъ, которое не есть положительное, въ собственномъ смыслѣ слова, и не можетъ быть такимъ, какъ недоступное для экспериментальной проверки.

что могъ бы быть названъ вторымъ ея основателемъ, именно г. Литтрэ, вкратцѣ изложилъ главнѣйшіе пункты ея въ публичной и, по моему мнѣнію, капитальной диссертациі, которую, при случаѣ, мы будемъ пользоваться. Къ этому-то новѣйшему изложенію позитивизма съ полнымъ довѣріемъ могутъ обратиться наши читатели, если желаютъ составить себѣ точное и вѣрное понятіе о названной школѣ и объ ея подлинной, отличительной физиогноміи. При-помощи этихъ, еще свѣтлыхъ, воспоминаній, мы попытаемся, безъ новыхъ справокъ, дать отвѣтъ на слѣдующіе вопросы, которые, благодаря многочисленнымъ и замѣчательнымъ сочиненіямъ, вышедшимъ изъ школы экспериментальной ¹⁾, обратились, нѣкоторымъ образомъ, въ современные вопросы, а именно: какъ относятся къ метафизикѣ безпристрастные, добросовѣстные ученые? Если несправедливо, что модное направленіе мышленія между учеными есть исключительно мышленіе позитивное, то на чемъ такъ упорно держится общее *недоразумѣніе*, по которому почти всѣхъ ихъ безразлично причисляютъ къ школѣ Огюста Конта? Мнѣ кажется, что могло бы представиться нѣсколько удобныхъ случаевъ для безпристрастного разслѣдованія этого дѣла, еслибы только самое разслѣдованіе предпринято было безъ всякаго другаго умысла, кромѣ желанія выяснить этотъ хаосъ понятій, ученій и собственныхъ именъ.

Я говорю: *недоразумѣніе*. Оно дѣйствительно всегда встрѣчается въ основаніи подобныхъ произвольныхъ и искусственныхъ классификацій которыя спѣшатъ установить увольняя себя отъ серьезнаго изслѣдованія. Классификаціи эти находятъ въ этомъ, по видимому, какъ-бы облегченіи совѣсти, поводъ наскоро подъ какое-нибудь общее наименованіе возможно наибольшее число мыслителей, или ученыхъ. Сверхъ-того подобныя классификаціи служатъ облегченіемъ и для памяти; для достиженія его приносятся въ жертву высшіе интересы, интересы истины, исторической правды и самыя простыя приличія въ-отношеніи къ самостоятельнымъ мыслителямъ, которые по праву приходятъ въ негодованіе, видя, что имена ихъ попали подъ банальный ярлыкъ категорій, не соответствующей ни особенностямъ, ни дѣйствительной формѣ ихъ ученой индивидуальности.

Вслѣдствіе такой-то путаницы, явилась и привычка думать и повто-

¹⁾ Introduction à l'étude de la médecine expérimentale, par C. Bernard. — Histoire des connaissances chimiques, t. I., par M. Chevreul. — Les Problèmes de la nature, par A. Lauzel, etc. . .

рять, со словъ нѣсколькихъ народныхъ оракуловъ, будто всѣ ученые позитивисты. Мы попытаемся показать, какъ могла родиться, распространиться и укорениться въ общественномъ предубѣжденіи эта путаница. Мы укажемъ, что есть дѣйствительно нѣчто общее между положительною наукою и позитивною философіею, потому-что высшій предметъ этой философіи, познаніе міра, не представляетъ ничего иного ей взорамъ, какъ только приведенные въ систему результаты опыта, главнѣйшіе факты каждой науки, собранные, сообразно съ ихъ важностью, въ опредѣленное цѣлое. Если же начала, элементы этой философіи совершенно тождественны съ началами наукъ, въ которыхъ она и не намѣрена ничего прибавлять, и если притомъ эти элементы суть не что иное, какъ только результаты опыта, то слишкомъ ясно, и объ этомъ даже почти нависо говорить, что методъ наукъ физическихъ и естественныхъ долженъ входить, какъ существенная составная часть, въ опредѣленіе положительной философіи. Въ этомъ-то и заключается вѣчная причина заблужденія для умовъ невнимательныхъ, или предубѣжденныхъ, — заблужденія, заставляющаго ихъ полагать, что достаточно постоянного, а тѣмъ болѣе исключительнаго, употребленія позитивнаго метода, чтобы быть позитивистомъ. Смѣшеніе понятій увеличивается еще и отъ сходства словъ, служа не маловажною помощію въ распространеніи путаницы.

Необходимо разъ навсегда объяснить на этотъ счетъ, избравъ для этого какой-нибудь разительный примѣръ, чтобы выйти изъ той полу-тѣмы, какою отвлеченный (абстрактный) языкъ окружилъ самыя простыя и ясныя понятія.

Открываю новую книгу Клода Бернара: *Introduction à la Médecine expérimentale* (Введеніе къ опытной медицинѣ). Я изучаю ее съ тѣмъ вниманіемъ, какому заслуживаетъ все, написанное подобнаго рода ученымъ о принципахъ и законахъ метода, до такой степени ему знакомаго, что онъ можетъ вполне приложить его къ дѣлу; съ менѣею, впрочемъ, заботливостію пишу я въ ней особеннаго мнѣнія автора и о философіи. Если есть сочиненіе, которое, при поверхностномъ взглядѣ на него, по тенденціямъ, по общему духу, по нѣкоторымъ формуламъ съ перваго раза можно принять за произведеніе позитивной школы, то таково именно упомянутое сочиненіе Клода Бернара. Но взглянемъ въ него ближе. Прослѣдимъ внимательно тотъ кругъ явленій, въ которомъ вращается авторъ, тотъ строй умственныхъ операций, какому онъ держится, — и тогда все объяснится само собою. Первоначальное представленіе

наше, имѣвшее критическій и почти грозный характеръ, по-отношенію къ философіи, тотчасъ получить въ нашихъ глазахъ совершенно невинный и естественный смыслъ; мы поймемъ, что здѣсь дѣло идетъ только о положительномъ знаніи. Чтобы лучше уловить дѣйствительное значеніе этой книги, необходимо, при чтеніи ея, постоянно помнить различіе между положительнымъ знаніемъ и положительною философіею. При свѣтѣ такого соображенія, много разсвѣтается невольныхъ недоразумѣній.

Что значить, въ самомъ дѣлѣ, этотъ великій принципъ детерминизма, къ которому не разъ обращается авторъ, съ такою замѣчательною настойчивостію, какъ-бы желая лучше запечатлѣть его во вниманіи читателя? Въ-сущности это дѣло очень простое, если только вы ограничитесь приложеніемъ его къ тому роду знаній, какой исключительно преслѣдуетъ авторъ и предѣлами котораго онъ намѣренно ограничиваетъ свой горизонтъ. Но какъ-скоро вы дѣлаете изъ этого принципа всеобщій критерій для всѣхъ родовъ знанія, то вы тотчасъ превращаете его въ страшное разрушительное орудіе противъ метафизики и тѣхъ истинъ, какія подлежатъ ея изслѣдованію. Всмотримся точнѣе, въ чемъ состоитъ этотъ принципъ, и мы безъ труда убѣдимся, что, въ его научной формѣ и въ его истинныхъ примѣненіяхъ къ явленіямъ физическимъ, химическимъ и физиологическимъ, его нельзя ни серьезно оспаривать, ни питать къ нему какое-либо онасеніе.

Существенный характеръ всякаго научнаго факта состоитъ въ томъ, чтобы онъ былъ опредѣлененъ, или, по крайней мѣрѣ, опредѣлимъ. Опредѣлить фактъ значитъ показать его связь съ непосредственною причиною и объяснить его на-основаніи этой причины. Но такова-же цѣль и экспериментальнаго метода, вездѣ, гдѣ бы онъ ни принимался. Вездѣ и всегда онъ стремится, именно посредствомъ опыта, найти связь естественныхъ явленій съ условіями ихъ бытія или съ ихъ ближайшими причинами.—Если же опытъ представляетъ какое-либо явленіе въ столь противорѣчивомъ видѣ, что оно не вяжется необходимымъ образомъ съ опредѣленными условіями бытія, то разумъ долженъ отвергнуть такой фактъ, какъ фактъ не научный. Тогда необходимо уже выжидать, или отъяснивать, посредствомъ ближайшихъ опытовъ, причину погрѣшности, которая могла ускользнуть отъ наблюденія. Въ такомъ случаѣ дѣйствительно должна быть какая-либо неизвѣстная погрѣшность, потому-что принятіе факта безъ причины, т. е. фактъ, который неопредѣленъ

въ условіяхъ своего существованія, есть, ни болѣе ни менѣе, какъ отрицаніе знанія. — По самой природѣ своей, знаніе должно быть опредѣленнымъ и опредѣлимымъ, а потому нужно непременно признать аксіомою ту истину, что, въ тождественныхъ условіяхъ бытія, всякое явленіе остается тождественнымъ и что, наоборотъ, явленіе тотчасъ-же перестаетъ быть тождественнымъ, какъ-скоро измѣняются условія,—такъ-что, какъ-только одано какое бы то ни было естественное явленіе, экспериментаторъ никогда не можетъ допустить, чтобы въ выраженіи этого явленія произошла какая-либо перемѣна, безъ появленія, въ тоже самое время, новыхъ условій для такого обнаруженія ¹⁾. Вотъ принципъ детерминизма въ его простѣйшемъ выраженіи.

Означенныя правила экспериментальнаго метода, составляющія главныя его условія, могутъ быть, съ равнымъ удобствомъ, прилагаемы какъ въ наукахъ біологическихъ, такъ и физико-химическихъ. Въ этомъ заключается одно изъ главнѣйшихъ нововведеній разбираемой книги. Авторъ совершенно изгоняетъ изъ науки, какъ онъ понимаетъ ее, всякую неопредѣленность. Медицина возможна, какъ наука, только подъ условіемъ подчиненія ея этому первому закону всякой науки; стало бытъ, условія существованія всякаго явленія у существъ живыхъ, такъ-же какъ и въ тѣлахъ мертвыхъ, опредѣлены абсолютнымъ образомъ. И здѣсь, какъ и вездѣ, коль-скоро одинъ разъ дознано и выполнено условіе какого-нибудь явленія, то это явленіе всегда и необходимо должно воспроизводиться по волѣ экспериментатора.

Таковъ принципъ этой новой логики экспериментальнаго метода, которую самъ авторъ резюмируетъ такимъ образомъ: въ каждомъ разрядѣ наукъ физическихъ и естественныхъ намъ предстоитъ изучать только явленія, изслѣдовать матеріальныя условія обнаруженія этихъ явленій и опредѣлять законы этихъ обнаруженій.

Понимаемый такимъ образомъ принципъ детерминизма не способенъ возбудить ни одного возраженія. Онъ представляетъ собою превосходный научный критерій и примѣнимъ, безъ ограниченія, какъ въ области явленій физико-химическихъ, такъ и въ области явленій жизненныхъ. Только подъ этимъ условіемъ возможна и положительная наука. Прогрессъ всякой опытной науки измѣряется именно по-

¹⁾ Introduction de la Medecine expérimentale, p. 94. 95 passim.

выми припущеніями и вообще болѣе и болѣе обширнымъ расширеніемъ этого принципа. Позитивизмъ, въ этомъ случаѣ, ничево не можетъ возразить съ своей стороны. Детерминизмъ имѣетъ дѣло исключительно съ позитивнымъ методомъ, въ чемъ и состоитъ его отличительная особенность, и въ этихъ границахъ принципъ детерминизма неоспоримъ. Онъ не составляетъ принадлежности какой-нибудь школы, но есть правило и свѣтъ науки.

При свѣтѣ этого-то принципа, необходимо читать нѣкоторые мѣста и книги Клода Бернара, которыми, я увѣренъ, могутъ приписать совершенно иное значеніе, но на которыя я, съ своей стороны, смотрю какъ на логическія послѣдствія и выводы этого самаго принципа. Такъ, когда онъ говоритъ намъ, что «сущность вещей должна всегда остаться неизвѣстною для насъ, что мы можемъ знать только отношенія этихъ вещей, а не самыя вещи, и что явленія вещей вовсе не составляютъ обнаруженія этой сокровенной сущности ихъ, но только результаты отношеній ихъ между собою» ¹⁾, то нужно имѣть въ-виду, что, говоря объ этой сущности, онъ разумѣетъ и явленія матеріальныхъ и что примѣнять ихъ къ реальностямъ и иного порядка, въ явленіяхъ, о которыхъ здѣсь имѣть и рѣчь, значило бы извращать законный смыслъ этихъ сильныхъ выраженій. Это замѣчаніе крайне важно для тѣхъ, кто, читая сочиненіе Бернара, хочетъ находить въ немъ именно только то, что желалъ представить въ немъ авторъ. Впрочемъ, самъ-же авторъ позаботился ограничить приложеніе этихъ правилъ. «Духъ нашъ по природѣ, говоритъ онъ, стремится изслѣдовать сущность или *причины* вещей. Въ этомъ случаѣ, всѣ устремились гораздо далѣе той цѣли, которую намъ дано достигнуть, потому, что опытъ скоро научаетъ насъ, что мы не можемъ идти далѣе вопроса *какъ*, то-есть далѣе ближайшей причины, или условій существованія извѣстнаго явленія. При такомъ положеніи дѣла, границы нашего знанія, какъ въ наукахъ биологическихъ, такъ и въ физико-химическихъ, однѣ и тѣжѣ ²⁾. Развивая за-гѣмъ свою мысль, авторъ со всею очевидностью показываетъ намъ, что во всѣхъ родахъ опытнаго знанія, найдя, чрезъ опредѣленіе условій и обыкновенныхъ обстоятельствъ обнаруженія явленія, ближайшую причину извѣстнаго явленія, мы достигли *научной цѣли*, далѣе которой мы не въ-состояніи идти. Какъ-скоро мы знаемъ, что пода,

¹⁾ Introduction à la Médecine expérimentale, p. 114.

²⁾ Introduction à la Médecine expérimentale, p. 137.